

«Больно мне, больно», — кричал со сцены темно-волосый красавец в ярко-синих штанах, запроваженных в красные сапоги. Унять «эту злую боль» в начале 90-х были готовы многие половозрелые женщины Советского Союза. Вадим Казаченко был певцом новой формации — молодой, не обремененный годами идеологической работы, неформальный. Казаченко слушал рок, а пел о любви, страданиях и прочих ценностях эстрадной лирики — сначала в ресторане туркомплекса «Измайлово», потом в составе полтавской группы «Фристайл» и, наконец, сольно.

В конце 90-х Казаченко из тусовки пропал. Одни говорили — уехал в Германию, другие — спился. Мы разыскали Вадима и убедились — Казаченко живет в Москве, много лет не пьет и отправляться на заслуженный годами в шоу-бизнесе покой не собирается.

— Как складывалась ваша карьера после ухода из группы?

— В 92—94-м годах я проводил около 300 дней в году на гастролях. У меня был директор — Владимир Мальцев. Он носил куда-то деньги, которые я зарабатывал на гастролях, никаких спонсоров же тогда не было. В стране все только начиналось. Все базировалось на концертной деятельности. Точно помню, что в 93-м или 94-м году я в первый раз с песней «Судьба» принимал участие в «Песне года», и это было не бесплатное удовольствие.

— То есть уже тогда вам приходилось платить за эфиры?

— «Песня...» вступала в товарно-денежные отношения сразу после того, как перешла под крыло АРСа. Я тогда шутил, что это программа не по «письмам зрителей», а по «письмам артистов». Пухлым таким письмам. Цена за участие была вывешена — несколько тысяч долларов. Пройдет в декабре эфир, и уже в январе можно было сдавать деньги на следующий год. Мои отношения с «Песней...» закончились в 96-м году. Я знал, что у меня на этот год уже оплачен эфир, и вдруг мне стало известно, что меня вычеркнули из списка участников. Оказалось, что мой директор, с которым я за два месяца до этого благополучно расстался, задолжал АРСу энную сумму. Я отправился на прием к Игорю Яковлевичу Крутому. Прихожу, а мне говорят: «Вы записаны? Нет? Просто так нельзя повидаваться». Делать нечего — я записался на прием. Приехал в приемную — охрана, секретарь. «Ой, Вадик, привет, как дела?» — заулыбался Крутой. «Все хорошо, вот расстался с директором...» — «Да-а-а, а он нам денег должен. Мы три месяца его искали, а когда нашли, сказали: либо ты нам денег дашь, либо мы вычеркнем твоего артиста из «Песни года». Он сказал: «Вычеркивайте и собирайте эти деньги в счет моего долга».

То, что Мальцев больше не мой директор, Крутого не интересовало. Я сказал: «Игорь, я хочу к тебе обратиться с просьбой, впервые за пять лет, вспомни те моменты, в которые я тебя выручал — выступал там, где не должен был выступать, пел больным, еще что-то делал для компании АРС. Поставь меня, пожалуйста, туда, где я имею право находиться». «Ну, тебя в этом году нигде не было видно», — ответил Крутой, — ты в «Голосуй или проиграться» не участвовал. Да и твое место уже продано... Я даже своего друга Сашу Серова не могу поставить».

Устроил мне показательное выступление. Нажал кнопку селектора, связался с начальником концертного отдела и говорит ему: «Вот сидит передо мной всенародно любимый артист Вадим Казаченко. Скажи, сколько мы можем ему концертов сейчас сделать?». Там отвечают: «Да какие проблемы, 20—30». Крутой выключает селектор и говорит: «Вадик, в стране тебя и так любят, зачем тебе «Песня года»? Да ты и без теле-

— Работали по идеологическим соображениям?

— Да какая там идеология... Зюганов, возможный коммунистический рванш... Ну зачем нужно было оппозиции брать на себя ответственность за то, что будет происходить в стране? Принимать на себя проклятия миллионов людей? В 90-х годах казалось, что артисты могут на что-то повлиять в политическом процессе. Сегодня все прекрасно понимают, что есть другие кнопки. Поэтому в последние годы все

Один знакомый звонит другому. Вот и мне в 1998 году позвонил Леша Мускатин — бывший директор Чумакова — и сказал: «Не хочешь поработать за Лебея в Красноярском крае? Кальянов едет, еще кто-то, третьим будешь?». Я говорю: «Так там же холодно... А денег-то дадите?». «Да дадим немного, деньги есть». Ну мы и поехали, поиграли концерты. Кстати, за такие концерты артистам даже спасибо не говорят, впрочем, никто на это и не надеется. Ни я, ни Кальянов не были на ина-

«бойцами невидимого фронта». Эти артисты сохранили чувство юмора и не жалуются на судьбу, а спокойно занимаются своим делом, несмотря на то что им недоступен теле- и радиоэфир. Каждое мое появление на улице, к счастью, уже не сопровождается шумом, воем и гамом. В основном взрослые люди подходят и спрашивают: «Что это вы тут дурака валяете, по паркам гуляете, вы вообще поете сейчас или нет?».

— А вы вообще поете?

марте 2005 года я подписал пятилетний контракт с компанией «Нокс». Теперь певцом Казаченко будет заниматься продюсер Иосиф Пригожин, а песни мне пишет Виктор Дробыш. В нашем трио складываются очень теплые человеческие и рабочие отношения.

— Подождите, а как же спокойная жизнь, психическое здоровье? Почему вы решили вернуться в шоу-бизнес? Слава, деньги?

— Я смотрю на это более романтично. Мне всего 42 года, я полон надежд, я хочу вернуть

ЗВЕЗДОПАД

Певцы невидимого фронта

видения проживешь». Я улыбнулся, сказал спасибо, с тех пор никогда не виделся с Игорем Крутым и продолжал эксперимент по существованию артиста без ТВ.

— По вашему мнению, участие в политической жизни — в той же акции «Голосуй или проиграться» — тогда влияло на судьбу артистов, медиамагнатов?

— Тогда выстраивалась вся иерархия, формировалась команда. Если ты был в стороне от этого процесса по каким-то обстоятельствам (либо самоустранился, либо тебя попросили), ты потом не попадал в обойму. Если проследить путь российского шоу-бизнеса от выборов в 1996 году до смены власти и даже после этого немножко, то мы увидим, что на сегодняшний день практически вся команда, которая туда вошла, так и сохраняется, за исключением разве что Лисовского. Появилась компания АРС, заняла свое место, упрочились связи с правительством, спонсорами, президентскими структурами, и начали работать. И сегодня кардинально ничего не изменилось. Шоу-бизнес ведь консервативен, артисты нужны и при коммунистической, и при капиталистической власти, при хунте, при революции. Чем людей успокоить? Песнями, сериалами.

— Почему вы не участвовали в акции «Голосуй или проиграться»?

— А я участвовал. Я просто не успел к началу главного тура, так как был на гастролях в Америке и мог присоединиться к туру только с третьего дня. А компания АРС поставила жесткое условие: или с первого дня, или не участвуй. Пришлось работать самому в разных городах под эгидой этой акции.

Вадим КАЗАЧЕНКО:

«Всегда считал, что чем дальше от «Останкино» — тем крепче психическое здоровье. Спасибо Крутому»

Из личного архива В. КАЗАЧЕНКО

предвыборные кампании Путина прошли без привлечения артистическо-цирковых и юмористических ресурсов.

Хотя от предложений конца 90-х — предвыборных кампаний коммунистов, Жириновского — я отказывался. Тогда казалось, что это имеет какое-то значение. Сегодня для меня такие концерты — обычная работа. Вот в Сети муссируется вопрос: «А как изменилось ваше отношение к Земфире после того, как она съездила к «Нашим»?». Тем, кто интересуется ее музыкой, все равно, где она пела, тем, кто политикой, — неважно, была это Земфира или кто-то другой. В любом случае артисты не призывают убивать кого-то. Они просто поют свои песни. При чем здесь идеология?

Знаете, как происходит «вербовка» на такой концерт?

урации, хотя отработали месяц, ездили по всем деревням и там, где были разрушенные клубы, выступали на улице, на ступеньках в марте месяце при минусовой температуре.

— А политики, по-вашему, влияют на то, что происходит сейчас в шоу-бизнесе?

— Наверное, власти нужно задумываться над идеологией и контролировать в связи с этим шоу-бизнес. Если у нее есть время на это. Когда наступит бытовая стабильность, может, и об идеологии вспомним.

Вот в Америке... Там для бывших граждан СССР идейные моменты играют даже большую роль, чем товарно-денежные отношения. Я во время последних гастролей говорил со многими людьми. Русскоязычная часть Америки очень возмущена, что Розенбаум вместе с другой группой артистов подписали письмо против Ходорковского. И, скорее всего, эти люди в ближайшее время не смогут хоть с каким-то успехом выступать в Америке.

— С конца 90-х вы перестали появляться в тусовке. Чем вы занимались все это время?

— Моя жизнь сегодня продолжается как жизнь большинства артистов, которых в шутку называют иногда

— Конечно! Никаких средств к существованию, за исключением гонораров за концерты, у меня по-прежнему нет. Обычно это стандартные афишные концерты в других городах, в Москве изредка выступаю в клубах и на заказных, корпоративных мероприятиях. Для меня вполне прилично съездить и в Кузьминки, и на Юго-Западе у метро спеть, если префектура ставит там сцену. Неделю назад я прилетел из тура по Америке и Канале, в котором был месяц. В Канале я пел на конкурсе русскоязычных красавиц «Матрешка». А вчера я вернулся сиз небольшой гастрольной поездкой — был праздничный выезд в город Слободское Кировской области на День работников леса.

Вернулся и узнал, что в Питере везде висит реклама концерта группы «Фристайл» с моим именем на афише. Заявляю: я не имею к этому концерту никакого отношения.

До недавнего времени я жил гораздо более спокойной жизнью, чем в «звездные» времена. Мог проводить месяцы в Германии, Америке, ездил на те концерты, на которые хотел. Я всегда считал, что чем дальше от «Останкино», тем крепче психическое здоровье. Но в

моральный долг людям, которые сохраняют мне верность. Я сейчас даю пять-семь концертов в месяц и, понятно, не успеваю объехать всю страну. Люди не везде знают, что я продолжаю работать. Моя слабая активность огорчает большое количество людей. Они говорят: «Артистов много, но нам и вас немножко не хватает». А теле- и радиоэфир сейчас — главное коммуникационное средство, и я это понимаю. И без мощного продюсера сейчас не обойтись — советской власти нет, в стране уже выстроены бизнес-отношения.

— Но продюсер уровня Пригожина стоит очень дорого. Откуда у вас такие деньги?

— Я не являюсь инвестором, мне помогают люди, которым я когда-то помог, те, с кем у меня сохранились хорошие отношения. Это не один человек и это не бизнес-проект в чистом виде, а попытка вернуть Казаченку на то место, которое он заслужил. От решения финансовых вопросов меня стараются уберечь. Ведь моя работа — петь песни. И эта работа — не мел. Недаром по большей части артистов плачут психоаналитики.

«Русскоязычная часть Америки очень возмущена, что Розенбаум вместе с другой группой артистов подписал письмо против Ходорковского»